

ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

«ПЦЫШХУ», «ТХЪАМАТЭ» И «ТЛЬФЕКОТЛИ»: ОСОБЕННОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕРКЕССИИ В НАЧАЛЕ XIX В.

Р.С. Кандор

Кафедра государственного и муниципального управления
Майкопский государственный технологический университет
ул. Первомайская, 191, Майкоп, Россия, 385000

В статье анализируются основные традиционные управленческие институты черкесского общества начала XIX в., а также функционирование правовой культуры в управленческих процессах. Делаются выводы о факторах создания в черкесском обществе горизонтальных и вертикальных связей, делающих его более организованным и стабильным.

Ключевые слова: Черкессия, черкесское общество, система управления, правовая культура, князь, верховная власть.

Основные традиционные управленческие институты черкесского общества в сложных политических условиях проявляют свои устоявшиеся связи достаточно отчетливо и органично вписываются в психологическое восприятие общества. Так, Э.Х. Панеш, рассматривая процесс образования политической культуры Западной Черкесии, отмечает, что этот регион обладает «характеристиками к супервыживаемости», делая обоснованный вывод о невозможности разрушения традиционной политической структуры черкесского общества и ее потенциальной готовности принять в любой момент другую форму (1). Именно это обстоятельство объясняет симбиоз различных форм власти в регионе: княжеской, союзной (братства), архаической. И суть этой структуры сводится к тому, что какая бы часть этой структуры ни была по той или иной причине разрушена или, под влиянием привносимых извне структур, не изменила бы свою форму, всегда остаются другие ее составляющие, сохраняющие и обеспечивающие политическую, а в известном смысле, и этническую жизнеспособность. Черкесское общество представляло собой политическую структуру, способную дробиться, чтобы обеспечить свое существование в условиях политической несбалансированности традиционного общества и постоянного военного и политического воздействия (2).

В этом случае актуальным представляется проведение анализа значения традиционной верховной власти в системе управления, сложившейся на территории Западной Черкесии. Высшая власть князя в «аристократических» обществах до-

полнялась, соотносилась, перекрещивалась с властью народного собрания в зависимости от той или иной конкретной социальной или политической основы объекта воздействия.

В «демократических» субэтносах эта структура отличалась немногим и была лишь сглажена в сторону большей социальной однородности черкесского общества. Здесь не было княжеского правления, и основным носителем верховной власти было народное собрание (в котором не имели права голоса крепостные крестьяне). Однако влияние высшего дворянства, сохранявшего те же социальные привилегии и следовавшего тем же традиционным нормам, что и в «аристократических» субэтносах, здесь было немногим меньше и в целом определяло жизнь общества (3).

В верхней части структуры управления черкесского общества располагался «пшышху» (большой князь или великий князь). «Пшышху» являлся верховным земельным собственником, верховным главнокомандующим и обладал высшей политической властью, но регламентированной нормами обычного права. Верховная власть обязывала князя поддерживать правопорядок во владении, стоять на страже законов, что, в свою очередь, давало ему право наказывать подвластных.

До середины XVIII в. «пшышху» справлялись с одной из главных своих задач — военной защитой подвластного населения. Командование вооруженными силами страны или отдельного княжества являлось насущной общественной необходимостью, а потому и действия, способствующие выполнению данной функции, не допускали паразитирования. К тому же князья не только командовали войсками, но и первыми шли в бой, показывая на личном примере истинные образцы рыцарского отношения к своему долгу.

В.Х. Кажаров, исследуя сословно-представительные собрания, говорит о том, что «архивные документы, относящиеся к концу XVI — началу XVII в., уже ясно показывают, что верховного князя избирали на «совете всей кабардинской земли» с соблюдением «ряда», т.е. очередности между отдельными княжескими линиями, возводившими свой род к Иналу и составлявшими своеобразную братскую общность». Причем сама очередность была двухступенчатой: сперва определялся «ряд» той или иной линии, а затем «внутри нее выдвигался претендент на «большое княжение», который утверждался на общем собрании князей и дворян Кабарды (4). После его смерти большим князем мог стать следующий за ним брат и так до тех пор, пока все братья не реализовывали свое право на верховное княжение. Таким образом, верховное управление передавалось по наследству, но наследовалась власть не по прямой линии (от отца к сыну), а по боковой, горизонтальной (от брата к брату).

Принцип наследования по боковой линии настолько проник во все поры черкесского общества, что он, не ограничиваясь высшими эшелонами власти, уделами и сельскими вотчинами, распространялся также и на земельные участки, усадьбы и многие виды движимого имущества.

Хан-Гирей говорил о существовании такого института верховной власти в княжеских владениях, как князь-старшина («пшы-тхьаматэ»), присваиваемое со-

гласно обычаю старшему по возрасту князю. С этим званием была сопряжена и обязанность председательствовать в управлении владением, а «младшие его летами князья должны ему повиноваться в общественных делах» (5). Князь-старшина назначал съезд («хасе») в каком-нибудь из аулов владения, куда съезжаются князья и все дворянство, иногда и старшины вольных земледельцев («тльфекотль»), если «обстоятельства требуют их присутствия» (6).

В.Х. Кажаров, рассматривая такую важную функцию «хасе», как избрание «пщышху» (большого князя), констатировал, что «при установлении единовластиа одной княжеской линии (ставшей затем «родом») сделало излишним сам выбор, поскольку ими автоматически, без всякой «смуты» и противодействия со стороны других линий, становились поочередно, по старшинству, родные братья» (7).

В архивных документах начала XIX в. «пщышху» (большим князем) Темиргоевского владения назывался Безруко Болотоков. К началу XIX в. Темиргоевское владение состояло из двух уделов, унаследованных двумя ветвями потомков знаменитого темиргоевского князя Айтека Болотокова — Хатажука и Асланбека Болотоковых. Хан-Гирей о времени правления большого князя Безруко Болотокова писал как о времени, когда «он прекратил внутренний беспорядок, свойственный духу и образу черкесских племен, посредством той строгости, с которой наказывал слушников его воли и нарушителей общественного спокойствия и того сильного покровительства, которое оказывал частным и доброго поведения людям... Все благоденствовало под покровом благоразумного владельца, который... вознамерился соединить все княжеские владения, так сказать, в одно целое для защищения своих земель и прав противу внешних врагов». По плану Безруко Болотокова внутреннее управление каждого владения должно было остаться на прежних «основаниях», и от приведения в исполнение этого плана должны были произойти «важные перевороты в Черкесии» (8). Но осуществлению этих планов помешала смерть Безруко Болотокова, убитого летом 1808 г. в сражении с абадзехами (9).

После смерти Безруко Болотокова «пщышху» Темиргоевского владения становится родной брат Безруко — Мишеост Болотоков (часто называемый как Мишеост Айтеков). Князь Мишеост Болотоков, по словам Хан-Гирея, «за щедроту славится между закубанскими черкесами, твердостью характера, мужеством и крепостью сил для перенесения трудов военной жизни, а данное слово держит твердо, что более всего делает ему честь» (10).

К началу 1809 г. Мишеост Болотоков заключает мир с абадзехами, намереваясь весной переселиться от Кубани ближе к абадзехам, что вызывает у русского командования подозрение в желании нарушить мирное соглашение и выйти из покровительства России. Но уже в марте 1809 г. Мишеост Болотоков подтвердил генерал-майору Шеншину, что он, «как и брат его покойный Безруко, был приверженный к России и что от Прочного окопа до Черноморского войска за тишину отвечает, доставлять впредь пленных и беглых, довод чрез который он не воспрещал своим подданным, делать хищничества, есть тот, что он видя своих узденей награжденных от все августнейшего монарха, сам остается и поныне будто без признания за владельца» (11).

Политические взаимоотношения Мишеоста Болотокова со своими соседями показывают стремление его к сохранению мира всеми доступными средствами; с одной стороны, быть верным присяге российскому правительству, а с другой — нежелание быть втянутым в братоубийственную, междоусобную войну, которая неминуемо привела бы к разорению подвластного ему владения. Следует отметить, что главнокомандующий войсками на Кавказе генерал Ермолов в августе 1819 г. называет Мишеоста Болотокова «наиболее всех приверженного России» (12).

Фамильный удел Мишеоста Болотокова был полиэтничным, и в отношении всех этносов «пщышху» проводил особую, довольно гибкую и дальновидную политику, используя не только силу оружия, но и дипломатические приемы.

В начале 20-х г. XIX в. часть темиргоевского владения (удел Джамбулата Болотокова) вышла из под управления «пщышху», увлекаемая идеей помощи кабардинцам, призывая нападать на российскую кардонную линию, для освобождения кабардинского народа, считая их всех находившимися в плену у России (13). В этих исторически сложившихся условиях Мишеост Болотоков, с одной стороны, следовал присяге, данной российскому командованию, сообщая известные ему сведения о намерениях различных групп делать нападения на Кубанскую линию, и лично со своими дворянами прикрывая ее, а с другой — избегал втягивания темиргоевского владения в усобицу между двумя ее уделами.

Между тем с 1830 года большим князем всего Темиргоевского владения становится Джамбулат Болотоков, вплоть до осени 1836 г., когда он погибает от рук наемного убийцы. Достаточно интересен факт признания и утверждения Джамбулата Болотокова в качестве владетеля Темиргоевского народа российским командованием. Подтверждением этому служат разъяснения, данные генерал-лейтенантом Головиным по факту убийства Джамбулата Болотокова, когда он пишет о том, что в 1830 г. главнокомандующий Кавказским отдельным корпусом генерал-фельдмаршал Паскевич Эриванский «во время экспедиции, совершенной под личным предводительством его светлости за Кубань, признав полезным склонить на нашу сторону Джамбулата, изволил вызвать его к себе и впоследствии данных им обещаний в покорности нам утвердить его владетелем Кемиргойского народа, населяющего пространство между Кубанью и Белою речкою» (14). Подтверждение этого факта находим и в рапорте генерал-майора Султан Азамат-Гирея, когда он говорит о том, что генерал-фельдмаршал Паскевич «именем Вашего Императорского Величества простил ему все его проступки в продолжительное время его действия против нашей границы, как на лице первенствующего в горах признал и утвердил владетелем Кемиргойского племени, с которого времени он Джамбулат Айтеков остался верным России» (15).

После Джамбулата Болотокова большим князем Темиргоевского владения становится его младший брат поручик Шеретлук Болотоков, вступление которого во владение темиргоевским народом прошло не без одобрения Российского командования (16).

Таким образом, в начале XIX в. на примере Темиргоевского владения видно соблюдение традиции вступления в верховное управление и передачи власти

по наследству не по прямой линии, а по боковой — от брата к брату, причем этот же принцип наследования действовал на уровне удельной и вотчинной власти. Такие же характерные особенности верховного управления подтверждаются при исследовании системы верховного управления в Бжедугском владении в начале XIX в., делившемся в это время на два удела: Хамышеевский и Черченеевский.

Полновластное господство князей и дворян в пределах своих владений согласовывалось с иерархической структурой традиционной земельной собственности, фамильным принципом и всем комплексом связанных с ней привилегий. Так, Л.С. Васильев, исследуя феномен власти-собственности, говорил о наличии «перекрывающих друг друга прав на землю: одна и та же земля принадлежит и обрабатывающему участок общиннику и общине в целом, от имени которой ее распределяет старейшина, и региональному вождю, который стоит над верховным старейшиной и поручает ему делить эту землю, и, наконец, верховному собственнику, без согласия которого тоже обойтись невозможно... Это явление обычно никого не смущало, ибо подтверждало то, что было нормой: земля не является частной собственностью, она принадлежит всем, но в строгом соответствии с той долей владения, власти над ней, которой реально располагал каждый из ее владельцев, снизу доверху (17).

Феодальная собственность на землю у черкесов являлась сословно-иерархической. Она выступала в расчлененном виде вследствие того, что право феодальной собственности на землю принадлежало не одному феодалу, а нескольким, стоящим на разных ступенях сословной лестницы. Основным видом господствующей феодальной земельной собственности в княжеских владениях выступали фамильные владения княжеских семей, которые во главе со старшим в семье владели группой деревень. Границы между всеми феодальными владениями были определены и известны каждому черкесу, хотя они не фиксировались документально, ограничиваясь общими ориентирами. В.Х. Кажаров отмечает, что «князья и знатные дворяне переселялись только в пределах собственных фамильных владений. Вассалы селились собственными аулами лишь с разрешения своих сюзеренов» (18). Если к XVII — началу XVIII в. основным видом земельной собственности выступали неразделенные фамильные владения, то уже к концу первой половины XVIII в. наблюдается усиленный процесс дробления фамильного землевладения. «Такое положение получило широкое распространение скорее всего лишь в XVIII в., особенно во второй его половине. Население, жившее на удельных землях, было подвластно соответствующим княжеским фамилиям» (19).

Права черкесских князей на владение, пользование и распоряжение землей в пределах княжества были непрерываемы. Только от них зависели порядок использования и распоряжение землей. Князь дарил землю уоркам (дворянам) и другим лицам, а после смерти одних князей земля передавалась на тех же правах только их наследникам. «Земля представляла не только собственность феодалов, но она являлась и основным источником права собственности феодала на результаты труда крепостных» (20).

Князья для реализации своего «политического господства все остальные условия поставили по отношению к себе в вассальную зависимость. Они осуществ-

вляли право верховной власти, объявляли войну, заключали мир, вели переговоры с соседними племенами и владельцами, начальствовали над народным ополчением и назначали судей над народом» (21).

Власть черкесских князей основывалась, во-первых, на контроле внутренней экономической деятельности, являвшейся более устойчивой, чем вторая сторона их власти — контроль внешней торговли и распределение полученных товаров. Источники доходов князя были многообразны, и они складывались из ренты, получаемой от всего населения княжества, подати, уплачиваемой непосредственно принадлежащими ему крестьянами, торговых пошлин, штрафов, военной добычи, дани с подвассальных народов и т.п. Контроль над внешней торговлей и внешними сношениями черкесских княжеских владений можно рассматривать в качестве устойчивого канала повышения власти старших князей. В этом смысле большое значение также имело обеспечение транзитной торговли по Большой Черкесской дороге, связывающей Анапу с Кабардой, и важная роль здесь принадлежала «черкес-гайям» (черкесским армянам) и «черкес-урумам» (черкесским грекам). Так, генерал Ермолов в августе 1819 г. писал о том, что темиргоевский князь Мишеост Болотоков «не смотря на обширность владения своего, на близкое от оногo расстояние до границы Кавказской линии и на частые сношения с Российским правительством, все обороты по торговым делам производит донныне не иначе как через армян под зависимость его живущих» (22). В Темиргоевском владении был широко известен «черкес-гайский» аул Гяур-хабль на р. Белой и несколько «черкес-гайских» аулов на левом берегу р. Лабы, а в Бжедугском владении находился «черкес-урумский» (греческий) поселок при ауле Эдепсукай.

О стремлении развивать внешнюю торговлю с Россией говорится в отношении командующего войсками в Грузии генерал-лейтенанта Ртищева к действительному статскому советнику Малинскому, когда в мае 1813 г. Мишеост Болотоков «просил дать им право заниматься торговым промыслом в Российских губерниях и покупать нужные для них припасы как-то холст, сукно и прочее, с тем, чтобы не было делаво им притеснений в карантинах». Но здесь же Темиргоевский владелец жаловался на комиссара Усть-Лабинского менового двора Миллера в связи с его плохим обращением с приезжающими туда закубанскими жителями и даже просил о назначении на его место другого. Генерал-лейтенант Ртищев, посчитав просьбу Мишеоста Болотокова справедливой, предложил назначить на место комиссара Миллера «другого чиновника, который бы ласковым обхождением с закубанцами мог снискать их любовь и доверие» (23).

Одной из главных особенностей системы управления черкесского общества было то, что каждый из элементов ее был взаимосвязан друг с другом, когда решение «тльфекотлей» (простых черкес) вынуждало владельца вотчины-общины соотносить свои действия с их решением, и так далее по управленческой иерархии к князьям — владельцам княжеской фамильной вотчины до старшего или большого князя. Кажаров В.Х., рассматривая вопросы самоуправления черкесской сельской общины, приходит к выводу, что члены общины «совместно решали преимущественно хозяйственные вопросы, да и то под строгим присмотром и конт-

ролем пши и уорков... не столько решали их, сколько согласовывали и обсуждали свои действия с ближайшими соседями, выслушивая мнения и советы опытных и состоятельных домохозяев, не имевших никакой власти, кроме морального авторитета» (24).

Хан-Гирей, характеризуя систему управления в масштабах целого княжеского владения, счел необходимым подчеркнуть ее соответствие особенностям управления в черкесском ауле. С этим порядком управления, по мнению Хан-Гирея, соглашался и «порядок управления «частного-общественного», т.е. образ управления владельца каждого аула: в каждом ауле есть или, по крайней мере, должны быть присяжные из старшин льфекотлов или вольных земледельцев, с которыми владелец, совещаясь, управляет аулом, дает разные повеления, налагая также штрафы на ослушников его воли» (25).

При рассмотрении системы управления черкесских субэтносов, «имеющих народное правление», Хан-Гирей вводит такую категорию, как «старшина». А исходя из того, что звание «князь-старшина» на черкесском языке Хан-Гирей воспроизводил как «пшы-тхьаматэ», то и звание «старшина» на черкесском языке звучит как «тхьаматэ» («тхьаматэ» означает старейшина, руководитель, предводитель, глава).

Народы абадзехские, шапсугские и натухаевские избирали старшин («тхьаматэ») в присяжные судьи, и Хан-Гирей сообщил о том, что «каждый тххашь или приход имеет по несколько человек, они разбирают частные дела своих соприсяжников» (26), уточняя, что слово «тххашь» соответствует слову «приход» и относится к языческим временам, когда народ «собирался у известных роц и других примечательных мест, где и совершали жертвоприношения разных животных» (27). Съезды старейшин («тхьаматэ») рассматривали важнейшие вопросы, касающиеся всего народа, как-то: вопросы общественного благосостояния; переговоры о заключении мира или союза с соседями; меры предосторожности и искоренения воровства, разбоев и других беспорядков и т.п. Хан-Гирей также указывал на то, что старшины «тльфекотлей», вольных земледельцев, «заменяющих в этих племенах князей и дворян, располагающих делами в княжеских владениях, управляют умами народа по произволу своему» (28).

Небезинтересно отметить, что при анализе родословных фамилий «тльфекотлей», перечисленных Хан-Гиреем у абадзехов, шапсугов и натухаевцев, можно сделать вывод о том, что многие из них относятся к дворянским родам этих народов. Так, у абадзехов А.Н. Дьячков-Тарасов относил к дворянам такие фамилии, как «Цей, Кoble, Тлиш, Бешук, Кубе» (29), которые мы находим у Хан-Гирея причисленными к родам «тльфекотлей» (30). Кроме этого К.Ф. Сталь называл абадзехские главные «старшинские фамилии», среди которых есть такие, как «Джаубатыр, Аджи-Кляж, Унароко, Хатко, Аджимоко, Жандаур, Баго Бейзруко, Берзек, Ханхакумуко, Азамет, Атухо и прочая» (31), являвшиеся дворянскими. Кроме этого в архивных источниках есть данные о том, что абадзехская фамилия Унароковых принадлежала к дворянскому роду абадзехских «тлекотлешей» Едиджи (Едиге) и за их кровь виновный платил как за кровь «тлекотлешей» (32). Не-

сомненно, что данное явление, когда дворянские фамилии как ответвления от родов «тлекотлешей» признавались в правах равными с последними, но в структуре управления назывались старшинами «тльфекотлей», вызвано отсутствием института князей («пщи»), когда дворяне «тлекотлеша» как главные вассалы князей перестали быть таковыми после утраты их сюзереном своего могущества. При этом дворяне «тлекотлеша» не приобретали большую власть над своими вассалами («уорк-шаутлугусами»), их сюзеренитет над ними становился номинальным. Все дворяне превратились в мелких вотчинников, политическая власть которых не простиралась дальше их усадеб, населенных их домочадцами и крепостными крестьянами. Наряду с этим В.Х. Кажаров справедливо отмечал, что если дворяне «и принимали участие в политических делах страны, то как выборные лица, а не как привилегированные особы, имевшие наследственное право управлять обществом. Свое высокое звание уорк должен был оправдывать поступками, направленными на удовлетворение не личных, а общественных нужд» (33).

В результате общественно-политического переворота мелкие вотчины прежней знати, старшин («тхьаматэ»), зажиточных и рядовых вольных земледельцев, оброчных крестьян стали объединяться на демократической основе, причем в форме соседских общин и их союзов.

В первой половине XIX в. трансформация феодальной системы сопровождалась у абадзехов, шапсугов, натухаевцев упадком традиционной вотчинной организации (в том числе и вотчины-общины) и широким распространением мелких «тльфекотльских» вотчин нового типа.

Сопоставляя данные различных источников, можно восстановить следующую систему административно-политического деления территории, занимаемой в первой трети XIX в. абадзехами, шапсугами и натухаевцами: несколько семейств составляли соседскую общину, охватывающую аул («кьуадже»). Определенное количество «кьуаджей», находившихся в горном ущелье или долине одной реки, объединялись в округ — «псухо». Округа объединялись в конфедерацию «демократических» этнических групп. Декларируемая правовая самостоятельность общин и верховенство «хасэ» выдвигало на первые роли в общественной жизни выборные авторитеты — так называемых «старшин». Именно выборные старшины вместе с «уорками» формировали «хасэ» высших уровней, и немудрено, что значение и статус старшин («тхьаматэ») постепенно сравнялись с дворянским.

«Демократическим» этническим группам были присущи некоторые своеобразные особенности в традиции политической организации общества. Так, в частности, шапсугам, исходя из архивных источников, была традиционно свойственна такая форма политической организации, когда первичным было представительство от сельских общин «псухо», а затем уже принадлежность к родовым союзам, а у абадзехов и натухаевцев первичным была принадлежность именно к родовым союзам. Но особенно интересная информация содержится в секретном рапорте от 17 августа 1804 г. к войсковому атаману Черноморского войска полковнику Борсаку, где говорится о том, что «между абадзехскими народами, которые сильнее и многолюднее протчих черкесских владений, более месяца собралось обще-

ство из почетных и пожилых дворян кои тракуют о восстановлении единоначалия, которому б по правилам... обществом сим положены будут, повиновался бы весь абадзехский народ... кто противным окажет, того принудить оружием или лишением жизни, говорят за сто лет назад тому, такое единоначалие было» (34).

Важно, что этот документ показывает стремление абадзехского общества с начала XIX в. к централизованному управлению, которое у них было еще в конце XVII в., а именно эта общественно значимая тенденция к политической консолидации абадзехского общества была позднее использована присылаемыми в Северо-Западную Черкессию наибами имама Шамиля для установления над ними административного и политического контроля.

Таким образом, конструкция «демократические» — «аристократические» народы является идеологическим конструктом, созданным не без вмешательства европейских схем. Однако эта конструкция основывалась на социальной организации шапсугов, абадзехов и натухаевцев, менее жесткой в сословном отношении, чем у остальных черкесских народов. И можно убедиться, что для успешного функционирования правовой культуры в управленческих процессах необходимо выделить следующие условия: первое условие — наличие собственности, в частности на землю; второе условие — достаточная развитость социально-политической структуры общества (выражающей все множество интересов, прежде всего, многообразие политических групп, союзов), которая создает горизонтальные связи в обществе, наряду с существенными вертикальными связями и делает его более организованным, стабильным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Панеш Э.Х.* Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа // Этнические аспекты власти. — СПб., 1995. — С. 34.
- (2) Там же. — С. 35.
- (3) Там же. — С. 24.
- (4) *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. — Нальчик, 1993. — С. 213.
- (5) *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. — Нальчик, 1978. — С. 130.
- (6) Там же. — С. 130.
- (7) *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. — С. 219.
- (8) *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. — С. 170—171.
- (9) АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией). — Тифлис, 1869. — Т. 3. — С. 662.
- (10) Хан-Гирей. Записки о Черкесии. — С. 171.
- (11) АКАК. — Тифлис, 1869. — Т. 3. — С. 662.
- (12) АКАК. — Тифлис, 1875. — Т. 6. — С. 451.
- (13) ГАКК. — Ф. 261. — Оп. 1. — Д. 124. — Л. 474.
- (14) РГВИА. — Ф. 482. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 6.
- (15) РГВИА. — Ф. 482. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 2 об.
- (16) РГВИА. — Ф. 482. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 8.
- (17) *Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. — М., 1982. — С. 83.
- (18) *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. — С. 65.
- (19) *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. — Нальчик, 1999. — С. 163—164.

- (20) *Катанчиев Т.М.* Адыгэ хабзэ как кабардинское обычное право. — Нальчик, 2001. — С. 103.
- (21) *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. — М., 1990. — С. 240.
- (22) АКАК. — Тифлис, 1875. — Т. 6. — С. 451.
- (23) АКАК. — Тифлис, 1873. — Т. 5. — С. 871.
- (24) *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. — С. 86.
- (25) *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. — С. 134.
- (26) Там же. — С. 134.
- (27) Там же. — С. 215.
- (28) Там же. — С. 135.
- (29) *Дьячков-Тарасов А.Н.* «Бзиуко-зау» (историко-социальный этюд) // Революция и горец. — Ростов-н/Д., 1929. — № 1—2 (3—4). — С. 38.
- (30) *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. — С. 191—192.
- (31) *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. — Тифлис, 1900. — Т. 21. — С. 87.
- (32) ГАКК. — Ф. 771. — Оп. 1. — Д. 612. — Л. 24 об. — 25.
- (33) *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. — С. 128.
- (34) ГАКК. — Ф. 249. — Оп. 1. — Д. 478. — Л. 3 об.

**«PSHISHKU», «TKHAMATE» AND «TLFEKOTLY»:
SPECIAL FEATURES OF SUPERIOR POWER
IN TRADITIONAL MANAGEMENT SYSTEM
IN CHERKESSIA IN THE BEGINNING
OF 19TH CENTURY**

R.S. Kandor

Department of State and Municipal Management
State Technological University of Maykop
Pervomayskaya Str., 191, Maykop, Russia, 385000

In the article traditional managerial institutes and process of legal culture functioning in managerial process are analyzed. The conclusions about factors of forming of horizontal and vertical links for make the Cherkess Society more organized and stabile are made.

Key words: Circassia, Circassian society, system of rule, rightful culture, prince, supreme power.